

Э.Л. Войнич

Джек Реймонд

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В61

Войнич Э.
В61 Джек Реймонд / Э.Л. Войнич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 110 с.

ISBN 978-5-4241-2082-4

«Джек Реймонд» — второй роман Э. Л. Войнич — впервые был опубликован в Лондоне весной 1901 года Вильямом Хейнеманном.

В этом романе частично отразились детские впечатления писательницы. Она рассказывала своей знакомой — Анне Фриментал, что девочкой ей иногда приходилось жить в Ланкашире у брата ее отца — Чарльза Буля, который был управляющим на шахте. Это был очень религиозный человек с наклонностями садиста. Однажды, когда Э. Л. Войнич было десять лет, дядя обвинил ее в краже куска сахара и потребовал, чтобы она призналась в своем преступлении. Но девочка сахару не брала, — и не могла в этом признаться. Тогда дядя запер ее на несколько дней одну в комнате и пригрозил «ввести ей в рот химическое вещество для проверки ее честности». Девочка сказала, что утопитс в пруду, и дядя понял, что она так и сделает. Он вынужден был отступить от нее. Этот поединок закончился тяжелым нервным припадком девочки...

ISBN 978-5-4241-2082-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Э. Войнич, 2021

ДЖЕК РЕЙМОНД

*...рассудите меня с виноградником
моим!*

ГЛАВА I

— И это у вас тут называется хорошей дорогой? — сказал доктор Дженкинс. Он остановился на середине косогора и стал осматриваться, давая рыбаку Тимоти, который встретил его на станции, время опустить наземь тяжелый чемодан и перевести дух перед новым подъемом. Позади, меж диких гранитных глыб и кустиков дрока, вилась крутая горная дорога. Впереди она взбегала еще круче, каменистая, окаймленная мокрыми, увядшими метелками вереска, и, обогнув замшелую скалу, скрывалась из глаз. А по сторонам тянулась унылая вересковая пустошь; багрово пламеняя, заходило гневное солнце; мчался с пронзительными проклятиями свирепый северный ветер; далеко внизу, у подножья утесов, роптало угрюмое, безрадостное море; и это было все. Быть может, в летнюю пору, когда вереск цвел золотом и пурпуром, долина выглядела приветливой; наверно, даже это пепельно-серое море солнечным утром после дождя умело светиться нежной зеленью и синевою; но доктор никогда прежде не бывал в Корнуэлле, и в этот декабрьский вечер все здесь казалось ему леденяще холодным, суровым и беспросветным.

Солнце кануло за горизонт, оставив на воде красную полосу, кровавый след, который волны поспешили смыть. Тимоти снова вскинул чемодан на плечо.

— Теперь уж недалеко, сэр; дойдем засветло. Эге, да это Ричардс из Гарнардсхеда, и его хозяйка с ним. Добрый вечер, хозяин!

Из-за выступа скалы выехала, тарыхтя на неровной дороге, тележка, груженная яблоками. Фермер шагал рядом со своей малорослой лошадкой; если б не то, что у него было две ноги, а у лошади четыре, их можно было бы принять за близнецов, так они были похожи: оба коренастые, спокойные, у обоих та же неторопливая уверенная поступь. В тележке, полной яблок, дремала старуха.

— Это наш новый доктор, — сказал им Тимоти. — Теперь у нас в Порткэррике два доктора, ведь доктор Уильямс не уезжает, хоть он уже старый и почти не лечит. Ну как, сэр, отдохнули?

И они опять стали взбираться на гору, а фермер Ричардс со своей лошадкой медленно двинулся вниз по дороге.

— Постойте-ка! — сказал доктор, оборачиваясь. — У старика что-то случилось с тележкой. Смотрите, он делает нам знаки. Что такое?

Ричардс яростно размахивал кнутом и пытался перекрыть ветер.

— Полиция! — отчаянно вопил он. — Убивают! На помощь! Полиция!

— Господи, спаси и помилуй! — охнула старуха, молитвенно складывая руки. — Опять эти разбойники!

Из-за ближнего бугра стремглав выбежал рослый, крепкий черноволосый мальчишка; лицо его, темное от загара, показалось доктору на редкость уродливым. Следом мчались десятка два дьяволят поменьше, все они размахивали палками и испускали воинственные клики. Шайка налетела так внезапно, что фермер и оглянуться не успел, как лошадь выпрягли, тележку опрокинули, яблоки покатались в грязь, и старуха, стоя у обочины, уже ломала руки и жалобно причитала над таким разорением. Тимоти и доктор кинулись на выручку, но тут Ричардс, опомнясь, пустил в ход кнут. После жаркой стычки мальчишки отступили и с визгом и воплями пустились врассыпную по косогору; набитые яблока-

ми карманы оттопыривались. Гнаться за ними было безнадежно; но один из грабителей, веснушчатый, тощий и нескладный, удирая, споткнулся о камень и растянулся на земле. Фермер тотчас набросился на него с кулаками.

— Джек! — завопил пойманный. — Джек!

Вожак был уже тут как тут — ловкой подножкой он свалил грузного фермера наземь, рывком поднял за шиворот упавшего мальчишку, подтолкнул в спину, и тот сломя голову пустился бежать под гору. Потом вожак огляделся — не нужно ли еще кого-нибудь выручить. Ясно было, что таков обычай: он должен был нападать первым и отступить последним. Он уже хотел бежать за остальными, но тут на плечо ему опустилась незнакомая рука.

— Одного я все-таки поймал, — сказал доктор Дженкинс. — Нет, не бейте его, — прибавил он и перехватил занесенный кулак фермера. — И сколько бы вы ни бранились, приятель, этим тележку не поднять; помогите ему, Тимоти, а мальчика предоставьте мне.

Через минуту Тимоти пыхтел над опрокинутой тележкой; фермер, все еще бормоча ругательства, присоединился к нему; старуха тем временем подбирала раскатившиеся яблоки.

— Ты, видно, далеко пойдешь, чертенок, — сказал доктор Дженкинс пленнику, который извивался, как угорь, в его руках, стараясь вырваться. — Как тебя зовут?

— А вас?

— Так ведь это Джек Реймонд, сэр, — сказал Тимоти, — Племянник нашего vicария.

— И родной сын самого сатаны, — из-под тележки подал голос фермер.

Смуглолицый бесенок ухмыльнулся этому комплименту, блеснув белыми зубами.

— Племянник vicария! — недоверчиво повторил доктор Дженкинс — А ну, стой смирно, мальчик, не вертись так. Я тебе ничего не сделаю.

Глаза Джека округлились в презрительном недоумении, и стало видно, какие они темные и вместе с тем блестящие.

— Ясно, не сделаете!

Он все же перестал брыкаться и выпрямился. Он был на редкость некрасив, но как-то совсем по-особенному, лицо грубое, дикое, однако без всяких следов вырождения, несмотря на тяжелую челюсть; напротив, голова прекрасной формы, а глубоко сидящие глаза были бы просто великолепны, смотри они не так мрачно и угрюмо.

Необыкновенно широко расставленные, под черными, сросшимися бровями, они придавали этому странному лицу выражение силы и сосредоточенности, которое пристало бы скорее бизону, нежели мальчишке.

— Стало быть, ты и есть атаман этой шайки сорванцов? — сказал доктор. — И какое же твое любимое занятие, разреши узнать? Воровать у бедняков и пугать до полусмерти старух, а?

— Да, — сказал Джек, глядя ему прямо в глаза. — И еще жалить, когда можно, вон как эта оса у вас в бороде.

Доктор Дженкинс, забыв, что на дворе зима, поднес руку к лицу. И тотчас покачнувшись от меткого сильного удара; а когда сообразил, что его провели, Джек уже удирал со всех ног.

Доктор прислонился к скале и захохотал так, что на глазах у него выступили слезы. Сердиться было невозможно, уж очень ловко мальчишка его одурачил.

— Ну и чертенок! — промолвил он наконец, переведя дух. — Первый раз такого вижу!

— А ведь этот малец вырос в благочестивом доме, — рассказывал ему Тимоти, когда тележку привели в порядок и они уже снова шагали в гору. — С шести лет его наставляли в христианском духе, и перед глазами у него самолучший пример. И все зазря. Нет уж, горбатого могила исправит.

— Сдается мне, — заметил доктор, — что этому молодцу добрая трепка была бы куда полезнее христианских наставлений и хорошего примера. Просто из него надо выбить дурь.

— Что вы, сэр, — возразил Тимоти, — ни одного мальчишку в Порткэррике так не лупцуют, как Джека Реймонда, по крайности с тех пор, как помер сам капитан.

— Кто?

— Капитан Джон, викариев меньшей брат. В октябре сравнялось три года, как он в бурю утонул возле Ленде Энда — других спасал, а сам погиб. А у нашего викария своих детей нет, он и взял сирот, потому как они остались почитай без гроша, ну, он и исполнил свои долг, как положено христианину.

— Значит, мальчик не один?

— Еще сестренка у него, сэр, восьми лет от роду, и такая славная девчурка, на этого бесенка ну ни капельки не похожа, все равно как сардинка на камбалу. Она вся в Реймондов.

— И викарий очень строг с мальчиком? Тимоти поджал губы.

— Видите ли, сэр, некоторые джентльмены из школьного совета говорят, что он малость пересаливает; даже прозвали его «пастьрь с палкой», потому как он за то, чтоб ребят в школах побольше драть. А только, по-моему, он прав, сэр; всякий человек по нутру своему отпетый грешник, а без битья разве внушить мальчишке страх божий?

— Ну, этому как будто не очень-то внушили.

— Так ведь в нем дурная кровь. Бедняжка миссис Реймонд из-за него сколько слез пролила. Она, знаете, из-под Сент-Айвс, из очень почтенной семьи; вся родня — люди благочестивые, и ничего такого за ними сроду не водилось. Женщина богобоязненная, добрая христианка, беднякам помогает, как оно полагается жене священника, и с этими сиротами нянчилась, будто с родными, хоть они ей вовсе не родня. В маленькой Молли ну просто души не чает. И уж так старалась того дьяволенка образумить лаской, а сам викарий — таской, да только это все равно что сажать картофель на Раннелской скале. Мальый весь в мать.

— А кто она была?

— Отъявленная блудница, сэр, лондонская актриска. Капитан Джон был молодой да глупый, вот и женился на ней, опозорил порядочный дом. Один бог знает, кем она была до замужества. Верите ли, сэр, табачищем дымила, как мужчина, а в церковь ни ногой. И никакого приличия, скачет, как коза, да зубы скалит — его старики родители, верно, в гробу перевертывались! В ненастье шляется по берегу под утесами, песни поет, волосы распущены, ну ни дать ни взять помещанная. Да я раз своими глазами видел — сидит на камнях без малого нагишом,

болгает босыми ногами в луже, а какой-то полоумный ветрогон из Лондона портрет ее малюет — шут долговязый! И ведь страшна была, как смертный грех, по мальчишке видите, а капитан Джон по ней с ума сходил. И все равно, родивши дочку, сбилась она с пути вконец: «подписала контракт» — так она выражалась — и удрала в Париж играть в театре. Как сказано в писании, «пес возвращается на свою блевотину и вымытая свинья идет валяться в грязи»². А там, я слышал, заразилась она холерой и померла без покаяния. Ясное дело, бог наказал. А капитан, дурак несчастный, чем бы радоваться — слава богу, мол, избавился, — стал по ней убиваться и до последнего дня ходил сам не свой...

— Это и есть Порткэррик? — прервал рыбака доктор, когда дорога круто повернула и перед ними открылась узкая горная долина и угнездившийся меж двух утесов рыбацкий поселок.

— Он самый, сэр, а вон там, за Утесом мертвеца, маяк. Вон в том белом доме — школа мистера Хьюита; многие хорошие господа посылают туда своих сыновей, наш викарий там попечителем; а тот большой дом повыше называется «Вересковый холм», там живет наш сквайр.

— А что это за старый дом возле церкви, весь заросший плющом?

— Это дом викария.

***

На другое утро, вернувшись после первой прогулки по поселку, доктор Дженкинс нашел у себя на столе визитную карточку: «Преподобный Джозайя Реймонд, церковный дом, Порткэррик, графство Корнуэлл».

— Викарий велел передать, что еще зайдет, — сказала хозяйка. — Он, видно, совсем расстроился; наверно, все из-за этого нечистого духа, из-за Джека; говорят, он вчера в горах до смерти напугал бедняжку миссис Ричардс, и тележку им разбил, и лошадь покалечил, и...

— Ну, ну, полно, — прервал доктор, — не так уж все страшно. Я там был и все видел. А что, Ричардс пожаловался?

— Да, сэр. Говорят, викарию нынче утром пришлось дорого заплатить ему за убытки; он грозился подать в суд за оскорбление действием...

— Какая чепуха! После обеда я навещу викария и сам расскажу ему, как было дело.

Когда доктор Дженкинс входил в церковный сад, за живой изгородью из фуксий послышался быстрый легкий топоток. Не успел он отступить, как девчурка в полотняном фартуке, вылетев из-за угла, с разбегу ткнулась ему в колени и тотчас отпрянула, откидывая со лба густые золотисто-каштановые кудри.

— Ой, извините, сэр! Я сделала вам больно?

Доктор удивленно посмотрел на нее: неужели эта хорошенькая девочка — сестра Джека Реймонда?

— Больно? Это чем же — наступив мне на ногу? Боюсь, что это я тебя ушиб. Так ты и есть племянница мистера Реймонда?

— Я Молли. А вы пришли к дяде?

Она повела его в дом; по дороге он безуспешно старался завязать с ней разговор. Он очень любил детей, и Молли — чистенькая, здоровая, немного застенчивая, но без неуклюжести, вся в золотистом загаре и веснушках от воздуха и солнца, — показала ему просто очаровательной. Но, хоть и прелестная, она вовсе не обещала вырасти красавицей: волосы и цвет лица были светлее, чем у

брата, и выражение не такое мрачное, но и у нее тоже, правда не столь резко, выдавался подбородок, и был такой же упрямый рот; зато глаза совсем не такие, как у Джека, на диво голубые и ясные.

Преподающий мистер Реймонд оказался человеком уже немолодым, серьезным и не очень-то приветливым, с глазами такими же холодными и безжизненными, как его седеющие волосы. Держался он по-солдатски прямо, но не по-солдатски скованно. Чувствовалась в нем какая-то старомодная чопорность и в то же время терпеливое достоинство, словно этот человек ни на минуту не забывал, что создан по образу и подобию божию. Сторонник строгого порядка, он не терпел никакой лишней растительности, а потому был чисто выбрит и выставлял напоказ самую неприглядную черту своего лица — рот, в углах которого было что-то жестокое, бесчувственное, точно у китайского идола. Будь в чертах этого лица чуть больше округленности и законченности, оно было бы одухотворенней и внушало бы если не симпатию, то уважение; а так этот человек казался каким-то одноцветным чертежом добродетели.

Он сразу отослал Молли и принял пространно извиняться за «нечистого духа» Джека. Видя, что он принимает случившееся так близко к сердцу, гость добродушно прервал хозяина, рассказал, как было дело — на его взгляд, ничего страшного, обыкновенное мальчишеское озорство, — и перевел разговор на другое.

Вскоре подали чай, и в комнату вошла миссис Реймонд — полная, кроткая, явно очень добрая женщина, постарше мужа; ее негустые, высоко поднятые брови словно навек застыли в горестном недоумении. Черное платье — образец аккуратности, ни единый волосок не выбивается из прически. К ней застенчиво льнула Молли, на которую любо было посмотреть: чистый белый фартучек, заботливо расчесанные кудри перевязаны лентой. Казалось, с приходом этой женщины и ребенка в комнату вошли мир и уют. Хлеб, масло, печенье — все, несомненно, было домашнего приготовления и потому превосходно; а когда после чая миссис Реймонд села у окна вышивать платье для Молли, гость убедился, что она такая же мастерица рукодельничать, как и стряпать. Притом и сердце у нее, конечно, было отзывчивое, — не даром Молли еще неумело, но старательно вязала шарф из красной шерсти: видно, девочка уже знала, как важно позаботиться о теплой одежде для бедняков. И доктор Дженкинс подумал, что этой кроткой и мягкой женщине, наверно, подчас нелегко приходится между мужем и племянником.

— Сара, — сказал викарий, когда чай отпили и со стола было убрано, — я уже говорил доктору Дженкинсу, как глубоко мы сожалеем о том, что произошло вчера на дороге. Он столь добр, что отнесся к случившемуся весьма снисходительно и вполне удовлетворен моими извинениями.

Миссис Реймонд обратила на гостя кроткий взгляд.

— Нам так неприятно, что мальчик доставил вам беспокойство. Но, поверьте, мы делаем все, что можем. Вы очень добры, что не требуете его наказать...

— Он все равно будет наказан, — спокойно сказал викарий. — Его выходка уже записана в кондуит.

— Надеюсь, не из-за меня? — заметил доктор Дженкинс. — На мой взгляд, все это пустяк, ребячество, я бы и не подумал жаловаться, если бы вы не узнали об этом раньше.

— Вы очень добры, — возразил викарий, — но я ни одного проступка не оставляю безнаказанным.

«Боже правый, и длинный же, наверно, список грехов у этого мальчишки!» — подумал доктор. И постарался поскорей перевести разговор на более безобидные темы. Тут он убедился, что викарий — весьма приятный собеседник, человек довольно образованный, с трезвым и ясным умом. Он принимал близко к сердцу все, что касалось местной благотворительности и благочестия, живо интересовался миссионерской деятельностью. Он подробно рассказывал гостю о своем участии в Миссии рыбаков, как вдруг громко хлопнула входная дверь, и миссис Реймонд, пугливо встrepенувшись, подняла глаза от шитья.

— Джек! — позвал викарий, поднялся и отворил дверь. — Поди сюда. А ты беги наверх играть, дитя мое, — прибавил он, обращаясь к Молли.

— Не забудь переменить фартук, — сказала миссис Реймонд, когда девочка выходила из комнаты. — И попроси Мэри-Энн... Ох, Джек, в каком ты виде! Где ты был?

Джек ввалился в комнату, не вынимая рук из карманов. Тотчас понял, что речь шла о нем, и остановился у двери, исподлобья глядя на гостя. Он стоял хмурый, чумазый и встrepанный, выставив упрямый подбородок, куртка на нем была порвана и в грязи, насквозь промокшие башмаки пачкали безупречный ковер, — сразу видно было, что это скверный мальчишка, грубиян и сорванец, проклятие семьи.

— Ты не забыл этого джентльмена? — спросил викарий ровным голосом, который не предвещал ничего доброго.

— Уж он-то меня, верно, не забыл, — отозвался Джек. В четырех стенах голос его казался странно, не по возрасту звучным и мужественным.

— Конечно, не забыл! — весело подтвердил гость, все еще надеясь отвести надвигающуюся грозу. — Поди сюда, мальчик, дай мне руку в знак, что мы с тобой не в обиде друг на друга.

Джек, насупясь, молча смотрел на него.

— Подойди и дай руку, — сказал викарий, по-прежнему не повышая голоса, но глаза его гневно вспыхнули. — Ты еще не извинился, твоей тетке и мне пришлось сделать это за тебя.

Джек неуклюже подошел и протянул гостю грязную левую руку, по-прежнему не вынимая правую из кармана.

— Почему не правую? — удивился доктор Дженкинс.

— Не могу.

— Что ты опять с собой сделал? — спросила миссис Реймонд, не замечая, как дрогнул ее голос на слове «опять». — Смотри, весь рукав в грязи, и ты порвал свою новую куртку!

— Вынь руку из кармана, — сказал викарий, и в голосе его зазвучала еле сдерживаемая ярость.

Рука, обернутая грязным, запятнанным кровью платком, оказалась вся в царапинах и ссадинах.

— Как ты это сделал?

Джек хмуро поглядел на дядю.

— Лазил на Утес мертвеца.

— Я ведь строго запретил тебе туда ходить?

— Да.

— Ох, Джек! — беспомощно вздохнула тетка. — Почему ты такой непослушный!

Викарий достал тетрадь прегрешений и вписал туда новый проступок.

— Иди в свою комнату и жди меня, — только и сказал он.

Джек пожал плечами и, насивистывая, вышел. Миссис Реймонд беспокойно покосилась на мужа и вышла следом.

— Бесплезно от вас скрыватья, — со вздохом сказал гостю викарий. — Волей-неволей вы теперь посвящены в нашу семейную тайну. Дурные наклонности моего племянника давно уже тяжкий крест для нас с женой. Самый тяжкий из всех, какие угодно было богу на нас возложить.

— Он своенравен, но с годами это наверно пройдет, — попробовал его успокоить доктор. — В конце концов многие очень достойные люди были в детстве озорниками.

— Озорниками — да; но, к несчастью, в моем племяннике мы вынуждены бороться не просто с ребяческим озорством; пагубные наклонности передались ему по наследству.

Несколько минут викарий смотрел на огонь в камине, потом покорно развел руками.

— Если Тимоти еще не рассказал вам эту злополучную историю, вы, конечно, скоро услышите ее от наших деревенских болтунов. Джек унаследовал от матери неисправимый нрав, у его пороков слишком глубокие корни. Ни уговоры, ни строгость на него не действуют; уже много лет мы прилагаем все усилия, пытаюсь пробудить в его душе хоть искру доброго чувства, но он ведет себя все хуже и хуже. Благодарение богу, в Молли, до сих пор во всяком случае, мы не замечали никаких дурных наклонностей; но этот мальчик безнадежен.

Выбрав удобную минуту, доктор Дженкинс поспешил уйти. Он был по горло сыт разговорами о Джеке и его грехах. «Пропади оно все пропадом! — думал он. — Если меня всюду будут пичкать жалобами на этого щенка, придется вывесить на моей двери объявление: о преступлениях племянника викария просьба не упоминать!»

Он прошел через сад; возле дровяного сарая какой-то шорох привлек его внимание, и он поднял глаза. На коньке покатой крыши сидел верхом Джек, видимо, вполне довольный своей опасной и неприступной позицией; в одной руке у него был толстый ломоть хлеба, в другой — совершенно зеленое кислое яблоко, должно быть, остаток вчерашней добычи, и он с жадностью поглощал то и другое.

— Эй! — окликнул доктор. — Ты как сюда попал? Помнится, тебя послали наверх.

Сорвиголова только посмотрел на него и опять с хрустом запустил зубы в яблоко. От одного этого звука доктор почувствовал оскомину.

— Если ты будешь так уплетать неспелые яблоки, у тебя разболится живот.

— Некогда мне разговаривать, — с набитым ртом ответил Джек. — Пора домой, сейчас меня будут лупить, а я сперва хочу подкрепиться.

— Похоже, что предстоящая лупцовка не отбила у тебя аппетит.

Джек пожал плечами и принялся за новое яблоко. По дорожке тяжело бежала миссис Реймонд, она задыхалась и ломала руки.

— Джек! Джек! Где ты? Скорей иди домой, гадкий мальчишка. Ох, скорее, милый, а то дядя совсем рассердится!

Тут она увидела на дорожке гостя и остановилась как вкопанная. Джек ухмыльнулся.

— Видали добрую душу? Она всегда распускает нюни, когда меня дерут.

— Ты-то, наверно, нюни не распускаешь?

— Я? — с презрением переспросил Джек. — Я не баба. Дядя уже пошел наверх, тетя Сара? Бьюсь об заклад, я буду на месте раньше его.

Одним прыжком, с ловкостью настоящего акробата, он перелетел с крыши на подоконник. Потом, цепляясь за плюц, подтянулся к карнизу, выступавшему над нижним этажом, точно кошка вскарабкался на него и исчез в окне второго этажа.

Миссис Реймонд обернулась к гостю.

— Что мне с ним делать? — в отчаянии сказала она.